

5. Болотов В.А., Сериков В.В. Компетентностная модель: от идеи к образовательной программе // Педагогика. 2003. № 10.
6. Dewey J. Democracy and Education. N.Y., 1934.
7. Зимняя И.А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентного подхода в образовании. М., 2004.

С.Н. Некрасов
УрФУ, Екатеринбург

ЛИЧНОСТЬ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА РОССИЙСКИХ ПЕРЕСТРОЕК

Все перестройки в XX веке в России-СССР-России строились на идеологии личности и прав человека, которая с евразийской точки зрения представляет собой применение принципов западной индивидуалистической философии к правовой системе. Более того, абсолютизация идеологии прав человека и интереса к приоритету роли личности в социальном процессе «будет с необходимостью сопровождать глобализацию либерального порядка и мондиализацию мира под эгидой атлантизма».* Поэтому, всякий раз, когда в обществе начинается волна рассуждений на тему прав человека и роли личности при полном забвении социальных интересов, ждите перестройку. Если попросить армейского офицера провести перестройку подразделения, то естественным будет вопрос – как перестроиться, сколько в ряд и в какую сторону двигаться? Речь, следовательно, должна идти об упорядочении целого в обществе – о решении вопросов существования и взаимодействия народов, классов, наций – только в рамках этих процедур успешной может быть постановка вопроса о личности, ее правах и интересах. Ответом на агрессию глобализации либерализма и мондиализацию современного мира может быть выстраивание полностью научного мышления как нарративного дискурса русского народа в рамках евразийского сообщества. Носителем такого дискурса оказывается ряд левых партий и правых движений, смыкающихся в ходе выстраивания научной идеологии в единое синтетическое эпистемологическое поле. Известно, что программа КПРФ, равно как и докторская диссертация Г.А. Зюганова пронизаны идеями евразийской геополитики и наоборот идеи Евразийского движения оплодотворены левыми эгалитаристскими интенциями. Достаточно посмотреть сайты евразийского движения, открыть архив газеты духовной оппозиции «Завтра», и мы увидим переплетение левого и право-

* Дугин А.Г. Евразийский путь как национальная идея. М.: Арктогея-Центр, 2002. С. 64.

го векторов духовной жизни. Это переплетение создает условия для строго научно выверенного определения социальной динамики – не перестройки, но революции – национальной, социальной и культурной. Поэтому эта идеология отвергает ведущий к перестройкам и глобализационной оккупации мифологический дискурс личности, человека и его прав. Она выдвигает в результате выявления этнической идентичности русских в качестве синтетического этноса необходимость революции, выстраивающей строго научные новые тренды континентальной специфики России, национального мессианства, государствообразующего значения армии в русской истории, евразийского производства и промышленной модернизации, неоиндустриальной модернизации без вестернизации, византийского «аграрного социализма».

К сожалению, евразийская идеология в начале XXI века еще не привела к отказу от сугубо мифологического западнического деления исторического процесса (по А. Тоффлеру) на три волны – аграрного, индустриального и постиндустриального общества. Отказ от марксистского понимания общественно-экономической формации, забвение марксистской «пятичленки» как будто бы отвергнутой опытом XX века, привел неоевразийство к мифологеме постиндустриализма как цели исторического процесса, в конечном счете, понятом как «конец истории». На самом деле нам еще только предстоит синтезировать модели общественно-экономической формации и цивилизации, результатом чего может стать научное представление о неоиндустриальном векторе развития России.

Евразийское мышление пока еще мифологически понимает мессианскую природу нашего народа как продукт загадочной жизни через тысячелетия преимущественно славянского индоевропейского народа со значительным элементом тюркских и угорских этнических и культурных черт. Пока известно, что фактический синтез белой и желтой рас не оставляет оснований для шовинизма и узкого национализма, но открывает путь к объединяющей имперской, евразийской психологии и культуре. В этой евразийской культуре проблема личности и прав человека не главная. Но ведь о том же и совершенно не по-евразийски, а с точки зрения научной и классовой идеологии писал К. Маркс. Получается, что синтез классового западного научного и синтетического евразийского подходов позволяет получить перспективную интеграционную научную модель для общественного сознания русского народа. Эта модель носит не мистически-потусторонний мессианский характер и задает не религиозно-бессильный протестный консервативно-реакционный вектор социокультурной динамики вспять, но прямо указывает на прогрессивное освоение объединенным человечеством природными силами, господство над собственными социальными отношениями.

Донаучное идеалистическое мышление представляло себе общество, в котором вектор изменения задавался идеалами великой личности. Соответственно, идеология Просвещения активно рассуждала на тему о роли личности в истории, имея в виду великую личность, стоящую над обществом. Такой дискурс, подвергнутый критике в марксовых «Тезисах о Фейербахе», сохраняется и сегодня в более простой форме идеалистического представления истории, когда любые социальные процессы выводятся из воли и сознания людей. Правда, деградация социальной философии привела к упрощенному представлению об обыденности и повседневности человеческой жизни, из которой и исходят импульсы социокультурной динамики. В результате, мы повсеместно видим постмодернистские исследования культуры повседневности, габитуса, габитус-китча в широком диапазоне от изучения истории великого продуктового обмена в исторической школе «Анналов» до упрощенных социологизированных социологий моды – историй мужского берета, грубошерстного пальто, сигары. Сознание и ничего кроме сознания не скрывается за этими все еще донаучными мифологизированными штудиями.

Поскольку опыт развития научного познания в истории человечества показывает неравномерность созревания наук в диапазоне от простых естественных дисциплин до сложных гуманитарных наук о человеке и сложнейших неестественных наук об обществе, можно прийти к выводу о том, что простейшие первоначальные попытки объяснить общество выливались в форму утопического программирования и моделирования идеального его состояния. Несомненно, здесь следует различать постановку вопроса о личности в истории (реальной истории общества) и личность в «истории» как дисциплине, имеющей свое место в каждый раз новой дисциплинарной структуре науки. То же самое относится к представлениям об обществе в самом широком диапазоне – от идеологии и утопии как нормативного моделирования эпохи традиционного общества (от Платона до К. Маркса) до нарратива вокруг симулякров потребительского общества эпохи постмодерна (от Э. Фромма до Ж. Бодрийяра). Между тем научный дискурс только еще возникает по мере появления неоиндустриального общества – и каждый раз при проявлении человеческих сущностных сил в новую эпоху человечество создает устойчивый континент науки. Наука, повторим, вызревает неравномерно. Она зреет быстрее в области естественных объектов исследования. Поэтому естественные науки прорастают достаточно быстро: древние греки создали первый континент математики, основанный на наглядном мышлении и отвлечении от чувственной стороны предметов. Физика как второй континент человеческого научного знания была создана в Новое время и стала наукой буржуазного индустриального общества в тот момент, когда перешла от образа «теплоты» к понятию «температуры» с ее таксонами и измерениями. Третий континент был создан Марксом, ко-

торый подобно Дарвину, положил конец взглядам на общество как на хаос сталкивающихся сил и волю, и обнаружил объективные закономерности социального развития, вытекающие из материалистического понимания истории. Очередная попытка создания четвертого континента психологии была предпринята Фрейдом и оказалась сомнительной и научно-неверифицируемой вследствие того, что не могла быть приложена ко всем человеческим обществам, а потому осталась на грани терапии, экспериментального шаманизма. Выяснилось, личность, – не совсем зрелая научная конструкция, а незрелая идеологема. И Маркс, за неимением времени и стоя перед необходимостью разработки научной концепции социальной революции пролетариата как универсального эмансипатора человечества, был вынужден оставить для будущих исследователей, перспективу разработки социально-психологической теории личности, основы которой он заложил в своих ранних трудах. В поздних трудах он переходит к изучению классов и аппаратов государства, создавая тем самым основы научного понимания социального процесса.

История XX века показывает, что в условиях десталинизации, когда проблемы морали и политики выходят на первый план, в общественном сознании начинает господствовать идеология молодого Маркса. Она может временно заменять теорию, отвергая догматизм сталинизма. Однако XX съезд КПСС в докладе Н.С. Хрущева, псевдомарксистски объяснив нарушения социалистической законности и отнеся культ личности к надстройке, внедрил «сердце буржуазной идеологии» (гуманизм) в рабочее движение и в обновление социализма, что и заставляет творческих марксистов прибегнуть к испытанному оружию марксизма – философии. Сталинские преступления – это не отклонения и деформации социализма, но продукт продолжающейся классовой борьбы и неизбежность хода истории. Необходимо преобразование практики масс в философские тезисы. Центральная задача здесь – критика гуманизма, ликвидация кантианского наследия путем устранения понятия субъекта. Именно поэтому вслед за удалением ревизионистской модели гуманизма из марксистской теории должно последовать ее выбрасывание из практики.

Появление в СССР в результате передачи германскими социал-демократами рукописей раннего Маркса (у нас они были изданы в 1956 г.) совпало по времени с разоблачением культа личности Сталина на XX съезде КПСС. Как известно, немецкая социал-демократия надолго спрятала в архивах труды ранних Маркса и Энгельса. Получилось, что ни Ленин, ни Сталин не были знакомы с ранним Марксом. После разгрома фашизма коммунисты ГДР из СЕПГ передали в Институт марксизма-ленинизма рукописи Маркса. Перевод занял два года и том «Экономическо-философских рукописей 1844 г.» был издан к 1956 г. Проблематика

культы личности прямо вытекает из гуманистической тематики раннего марксизма.

Гуманистический перелом в общественных науках привел к появлению марксистов, исходивших в своих построениях из тезиса о тождестве личности и общественных отношений. Такая радикальная социологизация образа человека призывала к изучению потребностей человека и провозглашала вслед за «Рукописями» грядущее торжество наиболее полного удовлетворения растущих потребностей советского народа и всесторонне развитой личности. Вся хрущевско-горбачевская сугубо материалистическая перестройка исходила из необходимости демократизации для построения «социализма с человеческим лицом» и потому была целиком навеяна работами раннего Маркса с его идеологией человека и его потребностей. По отношению к образу социализма позднего Маркса-Ленина-Сталина такая перестройка объективно была названа ревизионизмом, а ее деятелями – ренегатами. Их ренегатство проявилось в полной мере в свертывании перестройки и приватизационном расхищении общенародной собственности сформировавшимися потребностями правящих материалистов. В этом наглядно проявился вред философии раннего Маркса, узурпированного коммунистическими бонзами и протезированными ими приватизаторами.

Спор о подлинном Марксе сегодня проходит на фоне признания общего значения учения Маркса его противниками. Так, К.Р. Поппер показывает, что наука после Маркса никогда не будет походить на домарксистскую науку. Р. Арон, полагая, что Маркс загадочен и стал известен миру только после своей смерти, считал, что происходит периодическое разложение не марксизма, но марксианства, которое рассматривает учение Маркса как «Библию рабочего класса». Сам Маркс никоим образом не рассматривал себя как оракула, поскольку теоретически изучал капиталистическое общество и высказывал ряд предположений о зрелом коммунистическом состоянии. Наконец, критика учения Маркса должна быть не огульной, но поставленной в контекст тех или иных высказываний. Так, тезис о том, что «у пролетариев нет Отечества» соответствовал тому периоду европейской истории, когда у рабочих не было избирательного права, а избирали только собственники, в этих условиях у пролетариев, действительно, не было Отечества. Именно ранний Маркс был объявлен подлинным в короткое время хрущевской оттепели и горбачевской «катастрофы» (термин А.А. Зиновьева). В результате в СССР во второй половине XX века восторжествовал ранний Маркс, которого официально по аналогии с лукачевским образом «молодого Гегеля» стали называть «молодым Марксом». Именно идеи молодого Маркса определили вектор перестройки (вдохновили массы на демократическое дымовое прикрытие бюрократиче-

ской революции аппарата) и привели в конце XX века к формированию системы ельцинизма–сталинизма, но без Сталина.

Очевидно, что XXI век в России будет ни мондиалистским эксплуататорским, ни национально-патриотическим, ни государственно-социалистическим, но гуманистическим-социалистическим и общинным, т. е. евразийским по идеологии и принципам человеческих отношений. Ненависть бывшего советского народа к перестройке, а также полное оправдание перестройки либералами как необходимой операции по разрушению «совка» как «империи зла» еще не позволяет следовать логике участников телевизионного «Суда истории», т. е. становиться на ту или иную сторону. Разумеется, по нашему мнению, права команда С.Е. Кургиняна и ее аргументация выверена точно. Однако, такие исторические сдвиги как перестройка необходимо рассматривать в более широкой исторической перспективе и в отличие от общепринятого мнения о том, что «история не знает сослагательного наклонения», правильнее вспомнить высказывание классика о том, что история – не ровный тротуар Невского проспекта. Все это значит, что перестройка – не самостоятельное явление новейшей истории.

Перестройка вырастает из объективных потребностей реформирования общества. Весь вопрос заключается в том, в каком направлении эта перестройка настраивается и реализуется. Первый раз такая острая необходимость преодоления антисоциалистических тенденций возникла еще до смерти И. Сталина и обострилась в период перехода к развернутому строительству коммунизма. В 50-е гг. возникла протоперестройка, результатом которой мог быть не переход к коммунизму, но быстрый демонтаж самих основ социализма, как это, в сущности, произошло в ходе второй перестройки во второй половине 80-х гг. при провозглашенном курсе «больше демократии, больше социализма». Изменение губительного для социализма курса первой перестройки и формирование протоперестройки возникло не случайно. Н.С. Хрущев разгромил коррумпированную советскую партийно-хозяйственную машину в Узбекской ССР не спонтанно. На Лейпцигской выставке в 1959 г. он получил через секретаря В.И. Ленина Е. Стасову письмо и докладные записки о положении в республике. Последовал визит в Ташкент, жесткие меры, введение расстрельных статей в силу. Нам известны авторы и содержание этих записок, которые еще предстоит постепенно внедрить в научный оборот. Главное, однако, в том, что ход истории способен изменяться под воздействием точечных акций людей, обладающих знанием законов истории. Уже в конце 50-х гг. была возможность избежать застойной петли в социалистической динамике, предупредить разрыв с Китаем и совершить совместно с КНР тот модернизационный марш, который удалось осуществить китайским коммунистам в одиночку только в XXI столетии.

К сожалению, и в 1985 г. не удалось повторить корректирующее воздействие. Историкам еще предстоит найти объяснение тому, почему силы агентов влияния оказались мощнее сил социалистического переустройства. Известно лишь, что заработавшая с опозданием на 20 лет перестроечная «команда реформ» начала 90-х гг. была ориентирована на перекачку средств России в гигантский финансовый пузырь Запада.

В России после роспуска КПСС в 1991 г. и расстрела советской власти в 1993 г. единственным источником власти объявляется многонациональный российский народ. По Конституции России, Российская Федерация – социальное государство, в нашей стране должны охраняться труд и здоровье людей. Реальные же условия привели к противоположному результату. Это означает, что формирующий их строй оказался не способен обеспечить достойные условия для поддержания жизни и свободного развития большинства населения. Тем самым обнаруживается, что «социально-экономический строй» и «конституционный строй» суть разные вещи. Первый вступил в противоречие со вторым, осуществляя фактически его насильственное свержение. В такой ситуации естественно предположить, что гражданским долгом президента-юриста Д.А. Медведева выступал бы призыв к защите основ конституционного строя, поскольку задача дня в буржуазной республике – демократическими методами обеспечить установление в интересах большинства нового общественно-экономического устройства: гуманного, эффективного и справедливого. Легитимность такого социально-эволюционного призыва не вызывает сомнений даже в буржуазном обществе. Для его реализации потребовался бы переход от правых антинародных реформ в интересах агрессивного меньшинства к их следующему этапу – «неоиндустриальному», вбирающему в себя позитивные черты предшествовавших формаций, использующему весь накопленный историей культурный потенциал и специфическую ментальность русского народа. В противном случае соблюдение формальной законности при отказе от практического вмешательства в общественные процессы в интересах большинства будет вполне соответствовать классической характеристике выхолощенного формализованного юридического мышления: юридически – значит фальшиво, или, как пропагандистски сформулировал В.В. Маяковский: «Кому бублик, а кому дырка от бублика – это и есть буржуазная республика!». Такой поворот к реформам в интересах народа, к реформам, обеспечивающим национальный суверенитет, предстоит национальному лидеру – вновь избранному президенту России В.В. Путину.

Прошедшие в 2009–2012 гг. выборы показали, что они вполне соответствовали классификации формально-логического юридического мышления либерально ориентированной российской элиты – были свободными, но несправедливыми. Часть общества еще долго будет настаивать на

возврате к доперестроечному старому советскому социализму. Таковы адепты и человеческий потенциал традиционных левых партий, в первую очередь, КПРФ. Старый советский социализм характеризовался всесилием государства, господством плана, полным подчинением личных интересов общественным, уничтожением частной собственности на все средства производства. Однако с середины 60-х гг., когда все перечисленное существовало, в СССР стал нарастать системный кризис, приведший к социальному взрыву. Наш народ прекрасно понимал, что в стране отсутствуют свободные выборы, и Верховный Совет не представляет истинное народо-властие. Обюрократившаяся КПСС не способна была оставаться «определяющей и направляющей политической силой». В социально-экономической области были, с одной стороны, гордость за бесплатное образование, здравоохранение, низкую квартирную плату, уверенность в завтрашнем дне, гордость за мощную науку, непобедимую армию, поддержку развивающихся стран, и в то же время наблюдались бесконечные очереди, унижающий дефицит, отчуждение трудящихся от результатов собственного труда. Старый политический режим создавал атмосферу не-свободы, двойной морали, озлобленности. В погоне за экономическим могуществом государство проглядело нарастающее социальное разочарование, снижение качества жизни, что проявилось ростом смертности за 1965–80 гг. на 40 %, убийств – на 80 %, самоубийств – на 60 %.

В результате, к началу 80-х гг. люди в полной мере осознавали необходимость политических и экономических преобразований для исправления накопленных за десятилетия ошибок и перехода к новому этапу развития. Призыв «Больше демократии, больше социализма» поддержало тогда большинство населения. Однако обнаружилось, что ни власть, ни общество не имеют проекта нового пути. Люди не видят, куда идти – потеряли высокий смысл жизни, а выдвинутый «Единой Россией» в ходе избирательной кампании «план Путина» лишь говорил о том, как превратить наше общество в «корпорацию Россию», сделать страну всего лишь «конкурентоспособной». Обществу в период избирательных компаний последних лет навязывалось мнение, что «иного не дано» и что выбор сделан. В этом и была причина депрессии и молчания, использования административного ресурса властью и игнорирования выборов всех уровней большинством народа, изоляции и слабости управляющих воздействий избранного президента как формирующегося национального лидера – лидера всей нации.

В ближайшие годы нам предстоит третья перестройка, она позволит через трансформацию повседневности войти в историю самым широким массам, преодолеть опасность навязываемой нашими геополитическими противниками «оранжевой революции». Станет ли она синтезом – после тезиса и антитезиса (или, как говорят литераторы – властители дум, «красной и белой смуты») – покажет время. Бурлящий арабский мир и левею-

щая Латинская Америка показывают варианты внезапных мутаций, направляемых иностранными агентами извне. Очевидно, что и у нас любые внешние воздействия, направленные на деградацию или развитие культуры, разрушение или созидание традиционной нравственности, воссоздание или разделение частей некогда единой страны, разрушение нынешней РФ или интеграцию в нее могут и должны рассматриваться в едином силовом поле исторического процесса. Например, изменение структуры федеративного устройства России и переход на укрупненную систему городских агломераций может по-разному рассматриваться в контексте образования русского социалистического государства или в контексте распада буржуазной российской государственности и формирования панславянского мондиалистского союза.

Будет ли трагедией распад РФ для русского народа и его ядра – людей социалистической ориентации? Полагаем, что нет, поскольку сегодня у русских «забрали» государство, его нет, и распад России может стать ступенью к дальнейшей эволюции подобно тому, как распад Римской империи не был трагедией для входивших в его состав народов – он стал началом возникновения и развития современных европейских наций. Значит ли все это, что при доминировании интеграционных внутренних или дезинтеграционных внешних процессов в стране ученым евразийской научной ориентации следует отказаться от исследования личности и рассматривать индивида (в переводе «далее неделимый», «атом общества») только как продукт более сложной системы социальных отношений? Разумеется, нет, поскольку личность и общественные отношения в конечном счете тождественны: единство личности и общественных отношений проявляется в том, что потребности и есть свернутые в структуре личности общественные отношения. А последние – развернутые вовне потребности социализированного человека. В этом верный пафос ранних и еще донаучных работ Маркса. Однако пафос зрелого марксизма заключается в том, чтобы признать – личность понимается, изучается, принимается обществом, а права ее реализуются и защищаются только при условии реализации защиты прогрессивных социальных групп, этносов и наций. И именно это социальное первично, а личность – вторична. Евразийство стоит на позициях социального холизма, а не социологического методологического индивидуализма.

Старый советский анекдот может стать подспорьем в понимании сложной проблематики формирования континента науки Личности, в котором личность получает научное понимание и верную концептуальную трактовку. Эта трактовка заключается в том, что человек не Робинзон либеральной социологии и политэкономии, он отдельно не существует. Он не сказочный Маугли Киплинга и не Кай логических суждений. Он не единственный в обществе властелин, о котором, как сообщил в красной яранге

односельчанам мудрый чукча, вернувшийся со съезда партии: «Партия учит – все во имя человека. Все на благо человека и чукча видел этого Человека!». Вопрос, следовательно, заключается в создании системы социального устройства, альтернативной западной, где во главе угла стоит идеологема приоритета личности и практика учета коллективных социальных интересов. Не потому ли уничтожил Запад прежнюю независимую Ливию, что народная Джамахирия создала альтернативное и во многом подобное советской власти справедливое общественное устройство, в котором личность свободна и права человека не были нарушены? Такое совершенное устройство достижимо при сочетании передовой теории и традиционной практики социального народного жизнеустройства. Сегодня в России возникают условия для обеспечения такого гармоничного сочетания национально-освободительных реформ и евразийско-культурологического дискурса модернизации. Вопрос заключается в формировании элитой такого модернизационного дискурса, который был бы органически принят российским народом. Такой дискурс может выглядеть только как предельно откровенное «Слово к народу» национального лидера и его национальной элиты, начинающийся с обращения: «Братья и сестры!».

И.С. Колесова
Филиал УрГПУ, Новоуральск

СОБОРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ЕГО ОЦЕНКА Е.С. ТРОИЦКИМ

За последние десятилетия в России произошли изменения в политическом устройстве, трансформировался экономический уклад, система социально-культурных ценностей российского общества. Остро встала проблема поиска новых ориентиров духовного и социального развития страны, создания современных экономических моделей и политических институтов, адекватных вызовам современности. Для ее решения целесообразно обратиться к историческому опыту русской духовной культуры, произвести рациональную реконструкцию и анализ ее ведущих сквозных тем, одной из которых является идея соборности. Многие современные ученые и общественные деятели видят в соборности ресурсно-мобилизационный механизм для будущего социального и государственного развития России. Ее рассматривают как «генетический код российского социума», фундамент новой российской государственности. Соборность трактуют как энергетический ресурс русской культуры, опору, с которой возможно поднять русский дух и обеспечить возможность выживания страны. Эти мысли